А.О. Стеблецова, Е.В. Варнавская

ОТ ЛЕЧЦА ДО ВРАЧА: ЛИНГВОИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВРАЧА И ОБЩЕСТВА

ФГБОУ ВО ВГМУ им. Н.Н. Бурденко Минздрава России, каф. иностранных языков

Резюме. Представлены результаты лингвоисторического анализа процессов становления и развития понятия врач и отражения в лексикографических источниках с точки зрения актуального в лингвистике средового подхода. Описана эволюция и динамика формирования понятия во взаимосвязи с общим процессом становления и развития медицины в России. Определены экстралингвистические факторы, обуславливающие постепенное изменение понятия врач в соответствии с поэтапным синхронным языковым срезом. Определен период изменения вектора развития понятия, обусловленный развитием науки и укреплением административного аппарата.

Установлено, что хронотоп семантических дериватов в лексикографических источниках свидетельствует о позднем появлении метафорических наименований, использовавшихся для обозначения понятия врач. Установлено, что слово лекарь в деактуализированном ретроспективном значении может использоваться в качестве профессиональной инвективы. Доказано, что профессиональная инвективная лексика пластарь, эскулап, лекарь, акцентирующая понижение статуса, используется для актуализации недостатков представителя профессионального сословия. В результате установлено, что современное понятие врач, пройдя долгий путь семантических трансформаций, окончательно закрепилось в настоящих понятийных (смысловых) границах к концу XIX века.

Ключевые слова: врач, лекарь, историческое терминоведение, средовый подход, семантика понятия.

Актуальность. Эволюцию человечества всегда сопровождали болезни, на любой стадии развития общество нуждалось в людях, способных облегчить душевные или физические страдания. Тем не менее, историко-медицинские и лингвистические исследования очень редко затрагивают «вопросы этиологии заболеваний, методики врачевания и места врача в древнерусском обществе» [13]. Поэтому нам представилось интересным рассмотреть процесс развития и формирования понятия врач и его отражение в лексикографических источниках с точки зрения актуального в лингвистике средового подхода.

Если значение является структурной единицей семантической формы мысли, то понятие – единица логического мышления. Понятие, живущее не только в индивидуальном мозгу, будучи преобразовано в семантическую, языковую, звучащую форму мысли, становится принадлежностью уже не данного субъекта, но общим достоянием всего человеческого рода [11]. Согласно Ю.В. Кобенко язык, это «социально детерминированный продукт человечества, существование которого вне среды обитания homo или при наличии одной особи невозможно», именно среда определяет конвенциональность лексики, нормы и правила её употребления [9, 10]. Таким образом, именно просоциальность указанного понятия предопределила актуальность настоящего исследования.

Обращение к данной теме обусловлено также интересом к национальной специфике языкового мышления [3, 25, 26] и к эволюции семантики некоторых

понятий языка русской медицины. Поскольку семантические дериваты связаны с разными способами мышления и отражают ментальность народа, цель работы состоит в том, чтобы установить взаимосвязь между изменением мышления и семантическими сдвигами в лексемах, которые использовались для именования человека, оказывавшего медицинскую помощь.

Материал и методы исследования. Подобное исследовательское направление сопровождается рядом методологических трудностей в виду темпоральной обширности (XIV-XIX вв.) и невозможности непосредственного наблюдения за смысловым содержанием лексики. Данное исследование сопряжено с тщательным выбором материала для лингвистического анализа, а именно данных лексикографических источников, максимально приближенных к ранним этапам развития и становления русского языка [14, 18, 19, 23, 24].

Экстралингвистическая информация об утилитарных особенностях номинативной лексики может быть извлечена не только из лексикографических источников, поэтому наше исследование опиралось также на текстовый материал [8, 23] и научные работы, посвященные истории медицины и культуры русского народа [1, 7, 12, 16, 17].

В основе методологии нашего исследования лежит комплексный диахронический, функционально-семантический и ретроспективный анализ лексики, проведенный на основании средового подхода. Среда рассматривается как «совокупность (анизотропия) разновесных, разнопорядковых, разновеликих условий существования, развития и деятельности говорящих индивидов и коллективов» [9]. Поскольку взаимосвязь биотического (животного), абиотического (неживой природы) и антропогенного компонентов обуславливает природу языка, формирует условия, в которых функционируют определенные лексические единицы, эта стратегия привлекла, наконец и внимание лингвистов [10].

Полученные результаты и их обсуждение. В основе реконструктивного исследования словарной группы обычно лежит семантический и словообразовательный анализ, поэтому, прежде всего мы сочли необходимым обратиться к этимологическим данным. Изменение семантики слова отражает эволюцию категориальных понятий, реконструкция семантики всегда нуждается в знании культурно-исторического фона, поэтому мы рассматриваем этимологию в качестве инструмента изучения с целью извлечения исторических данных, которые отражены в языке [4, 27].

Этимология и первоначальный дуализм понятия

Согласно словарю Фасмера, лексема врач, происходит от старославянского «врачь», её исходное значение «заклинатель, колдун» [29]. В соответствии с концепцией Трубачёва, врач является заимствованием из тюркских языков, через средне уйгурское arvyščy – колдун [28]. Несмотря на этимологические расхождения, семантика слова у обоих исследователей совпадает, что вполне объяснимо с точки зрения этиологии недугов в древнем обществе, поскольку согласно древнему

миропониманию болезни могли появляться не только как наказание за провинность или как искупление грехов, нападения бесов, но и как результат травм и боевых ранений и, наконец, от естественных причин, таких как плохая еда, старость. Если в первом случае именно обращение к высшим силам при помощи заговора или молитвы могло способствовать исцелению, то в случае естественных причин можно было вообще ничего не предпринимать [13].

Представление о болезни как о наказании свыше, проявлении судьбы человека, либо как естественной закономерности было присуще древнему мировоззрению. Для ранних этапов эволюции языка характерной особенностью семантики существительных является размытость, нерасчлененность значений, семантический синкретизм, при этом одному понятию могут соответствовать несколько лексических компонентов, объединенных сходным значением. Именно такое многообразие слов, соответствующих понятию врач, мы встречаем в работе русского медика и библиографа Л.Ф. Змеева. Змеев объединяет значение слов врач-доктор-лекарь-волхв: «у нас встарь врачевать, значило колдовать, и наконец, лекарь … значит колдун. Докторам, т.е. лекарям, приписывается волшебство, «Ты поди то дохтуров добывай, волхи то спрашивай» [7]. Рассуждая о народных воззрениях на болезнь, он акцентирует внимание читателя на том, что такое понятие как врач могло быть выражено совершенно разными словами, а именно «от глагола баить, говорить, в значении врача, а потом в смысле колдуна происходит балий. В Азбуковнике балий – ‘ворожея’, ‘чаровник’, бальство – ‘ворожба’» [7]. Синкрета бальство в значении ‘лекарство’, ‘medicina’ встречается в примерах Срезневского, датированных XIVв.: «Взбальствоватися мудрости бальствы» и даже XII: «Врачевьском балованием исцелити» [23].

Русское слово врач известно и, вероятно, широко употреблялось уже в раннехристианском мире, оно встречается в старославянских переводах Библии как соответствующее греческому ἰατρός, однако греческая лексема ἰατρός также амбивалентна; ἰατρός - это и ‘врач’, и ‘предсказатель’[30].

Рассуждая о врачевании в древней Руси, Змеев цитирует документы XI в, где упоминаются лечьцы; называя их лекарями, он также отмечает дуализм понятия: «лекарей в древности тоже считали колдунами» [7]. Лечец, лечитель, лечба и т.д., парадигма с основой – леч, лек представлена у Старчевского десятью лексическими единицами, в Материалах Срезневского – двенадцатью, наличествуют существительные лекарьство – ‘излечение’, лекование – ‘лечение’, глагол лековать – ‘лечить, врачевать’ и др. Согласно примерам Срезневского лековать – это ‘применять какие-нибудь средства’ «или масломъ или пластырем», а также лечитися – ‘избавляться от недугов души, пороков’ [23]. Мы полагаем, что частотность смыслообразующей основы свидетельствует о её прочном закреплении в языковой системе на данном этапе развития в двух сходных значениях.

В Словаре древнего славянского языка, составленному по Остромирову Евангелию, балий также имеет два значения: волхов и врач. Филолог, палеограф И.И.

Срезневский в Материалах для словаря древнерусского языка, составленных на основе Ипатьевской, Новгородской, Лаврентьевской и Псковской летописей, также нивелирует понятия балий, врач, медик (medicus) [23], однако разграничивает значение слов волхв и врач. Волхв по Срезневскому – только колдун, волшебник, magus [23]. Не связаны оба понятия и у Старчевского, где волховати означает ‘заниматься колдовством, прорицать’, волхва – ‘колдунья, волшебница’ [24].

Соответственно историческим данным последовательное развитие медицины на Руси происходило, начиная с X века, хотя письменные источники датированы более поздним временем и представляют собой переработки рукописей XIV – XVII веков. Мы учли, что при развитии языка именно семантическая составляющая является самой подвижной, поэтому полагаем, что на этом этапе первоначальный дуализм понятия, когда врач рассматривался и как колдун, способный призвать высшие силы для исцеления, и как человек, избавляющий посредством лекарств от болезней, постепенно ослабевает, а значение лексем волхв, врач расходятся. То есть волхв – уже не врач, хотя врач все еще остается в определенной мере духовным целителем, деяниям которого присуще нечто волшебное.

Смыслообразующую основу данной лексемы можно считать довольно употребительной, поскольку деривационная парадигма основы врач по словарю Срезневского, насчитывает более 30 единиц. Приведем лишь несколько примеров: врачебный, врачевен, врачевство, врачеватель, врачевственный и т.д. В летописных источниках наличествует и возвратная форма глагола врачеватися, то есть ‘лечиться самому’ [24]. Все рассматриваемые слова объединены общим смыслом: врачевание – это не только избавление от болезни посредством лекарств, но и облегчение души от грехов.

Следует отметить, что к вышеупомянутым синонимам можно отнести еще лексемы зелейник и целитель, также имевшие два значения. Целитель – ‘целитель, врачеватель’ и ‘лекарство’; целить – ‘лечить, врачевать, исцелять’. [23]. У Старчевского зелейник – ‘врач, лекарь’, зелейница – ‘чародейка, волшебница, отравительница’, зелейничество – ‘тайное знание и употребление волшебных лекарств и трав’ [24]. Мы видим, что ментальная мистическая составляющая, когда врача или лечца рассматривают как человека, способного неким чудесным образом исцелить от болезни, полностью не исчезла, что, вполне очевидно с точки зрения этиологии болезни. Народные воззрения на болезнь, как неизбежность страданий, посланных человеку за грехи, а выздоровление, как прощение свыше, не менялись в течение долгого периода, что «совершенно четко укладывается в рамки православной христианской парадигмы. … В этот период сформировалось два направления: целение и лечение, где целение превалировало над лечением» [13].

Экстралингвистические факторы, обуславливающие постепенное изменение понятия (диахронический сдвиг)

Ситуация заметно меняется к XVI веку. Змеев пишет, что «отученные татарщиной от всяких сношений с Европой, мы естественно стремились теперь

вознаградить потерянное. И как врачевство у нас от разных неблагоприятных условий не успело сложиться в определенные формы, то пришлось заимствовать у соседей» [7]. С появлением книгопечатания, издаются и первые книги сначала духовной, а затем и переводные, медицинской направленности. Хотя о какой-либо серьезной научной медицине, речь еще не идет, книги, конечно же, способствуют развитию лечебного дела и формированию медицинской лексики.

Царский двор начинает приглашать на службу врачей иностранцев, людей, имеющих специальное образование, полученное в заграничных университетах, при дворе их должность называют лейб-медик, от нем. Leib – 'тело' и лат. medicus – ‘цирюльник и врач’, либо на латинский манер, дохтур - доктор, с лат. doctor со значением – ‘врач, учитель’ [23]. Этимология заимствований демонстрирует появление качественно иной реалии, которую двор ставит на более высокую ступень иерархической лестницы, вследствие наличия некоего документа, дающего право лечить и учить людей. Таких специалистов единицы, лечением народа они не занимаются и особого влияния на развитие медицины оказать не могут. Змеев отмечает, что «русский народ не любит лечиться. Еще наружные средства, туда сюда, народ употребляет при грозной необходимости, а внутренних избегает всякими способами» [7]. С этим уровнем лечения вполне справляются лекари, лечители из народа, где искусство оказания необходимой помощи часто передается из поколения в поколение.

Издавна на Руси велась торговля привозными лекарствами, по мере их усложнения происходит сближение торговцев с целителями, представителей двух сторон одного дела. Люди не разделяли их, называя общим именем лекарь [7]. Действительно, в примерах-источниках Срезневского, относящихся к более раннему времени, лексема лекарь еще не встречается, есть только лечитель как эквивалент латинскому medicus; лечьба – лечение (лат. curacio) и лечець – которому указаны греческое соответствие ίατρός [23]. Следует отметить диахронические морфологические изменения лексемы, замену словообразовательного суффикса –ец, характерного для церковнославянского языка, на –арь, формант, восходящий к латинскому –arius, называющий лицо по роду его действия, т.е. лекарь – это прежде всего ремесленник, оказывающий посильную медицинскую помощь. В данном случае также происходит качественный скачок, характерный для семантического словообразования, который приводит к появлению новой языковой единицы, обладающей собственным значением.

Согласно лингвистическим исследованиям начиная с XVI века, в языке Московской Руси отмечены изменения, при которых «основными языковыми процессами на лексико-фразеологическом уровне являются постепенный и последовательный распад семантического синкретизма» [6]. Семантическая деривация не могла обойти и ряд врач, лечец, балий, зелейник. Как было отмечено выше, такие изменения были несомненно обусловлены историческими реалиями. Иван IV ведет войны, активно присоединяя все новые и новые земли, войско нуждается в лекарях,

мастерах-ремесленниках от медицины, способных более-менее грамотно оказать прежде всего медицинскую помощь, например, при огнестрельных ранениях, количество которых, естественно, возросло. Лекарями все чаще стали называть людей, состоявших на военной службе, либо оказывавших хирургическую помощь, а врач – это человек, имевший специальное медицинское образование. Балии, зелейники остаются с народом, который не владеет грамотой и по-прежнему продолжает лечиться тем, что ему доступно, чаще всего это травы, молитва и заговор.

Начиная с XVII века равноправное функционирование указанных лексем, каждая из которых уже обладает своим собственным значением, можно наблюдать в различных текстовых источниках. Об увеличении объема обозначаемого понятия свидетельствует факт появления в историографических источниках новых наименований и атрибутивных конструкций − названий специалистов-ремесленников от медицины. В это время начинаются попытки организации лечебного дела в войсках. Так в документах Разрядного приказа в 1615 году упоминается должность полковой лекарь; при Михаиле Федоровиче появляется Аптекарский приказ, в ведении которого состояли доктора, лекари, подлекари, аптекари, алхимисты, аптекарские ученики, костоправы [8]. Тем не менее в исследуемых лексикографических источниках, фиксирующих старославянскую лексику, нами обнаружены лишь алхимики, травоведы и рудомет [19]. По-видимому, это не врачи, а русские мастеры, обучившиеся своему делу у частных лекарей. Рудомет – пускающий кровь, у Срезневского одно из значений существительного руда - кровь.

Указанные словари составлены на основе нескольких летописных источников, поэтому возможно данные лексикографии древнего периода просто не фиксируют все словоформы, т.к. сохранившиеся тексты не отражают все отношения слова, которые актуализировались на определенный момент. Тем не менее, сами названия заболеваний в них отмечены: камчоуг - ломота [23, 24], кила - грыжа [24], очные болезни [23]. Присутствуют и примеры, доказывающие их лечение: баство очесное [23]. Доктор медицины Прохоров П.Н. в работе «Биологические основы медицины», 1896г., говоря о бедственном положении русских лекарей, приводит документальные примеры челобитных царю Алексею Михайловичу от «холопов бедных и беспомощных Аптекарского приказу лекарского и костоправного дела учеников», которые «твоих ратных раненых людей лечили, великую нужду и бедность терпели»; «чепучинного дела мастер Митрошка Петров просит о прибавке жалованья». Документы Приказа фиксируют и наименования других медицинских ремесел, причем иногда иностранному слову указано соответствующие латинское и русское значения: «латынскимъ языкомъ акулистъ, а по русски очной мастеръ» [15]. Змеев приводит царскую «лестницу врачебных чинов» при Федоре Алексеевиче; доктор, поддоктор, иноземный лекарь, специалисты русские лекари и ученики [7].

Упорядочивание употребления лексем «лекарь» и «врач» в документообороте

Для государственных нужд необходимо большое количество образованных медиков и Петр I попытался решить эту проблему. Его реформы стали знаковыми

преобразованиями в истории развития Русской медицины. Важнейшей частью реформ явилось основание Московского госпиталя и функционирующей при нем лекарской школы. Госпитальную школу Петра принято считать первым высшим учебным медицинским заведением России. Через 2-3 года обучения, после успешной сдачи экзамена выпускникам школы присваивалось звание подлекаря, а по окончании выдавался диплом лекаря. Обучение в школе велось на латинском языке и документ, который получали выпускники, тоже был написан на латыни. Позже, в 1764 г. согласно указу Екатерины II, выпускники госпитальных школ были допущены к экзамену на докторскую степень, который проходил в Медицинской коллегии.

При Петре началось активное книгопечатание, появились переводные издания медицинских книг по анатомии, а затем и латинско-русские словари в том числе и со специальной, медицинской лексикой.

В одном из ранних словарных источников, «словаре на шести зыках: российском, греческом, латинском, немецком и английском, изданном в пользу учащегося российского юношества при Императорской Академии Наук» в 1763 году русским лексикографом Г. А. Полетикой, греческой лексеме ἰατρός и латинскому существительному medicus указано все то же русское соответствие - врач. Словарь Полетики представлял собой переводное издание словаря Nomenclator classicus, sive Dictionariolum trilingue, secundum locos communes, nominibus usitatioribus anglicis, latinis, graecis Рэя, изданного в Лондоне в 1696 году, куда Полетика добавил перевод на русский, немецкий и французский языки. По свидетельству автора, он старался наиболее точно подобрать «российские» эквиваленты латинского и греческого существительных [14]. В словаре представлены еще три древние русские лексемы врачевство, врачебная наука, врачевание, соответственно одному латинскому слову medicina, ae f. Однако лексеме лекарь соответствует уже иной латинский термин chirurgus, i. Едва ли это означает, что в русской культуре понятия врач-лекарь уже полностью разделены. Данный словарь являлся переводным изданием, и, возможно, автор просто пытался учесть, что в западноевропейской традиции хирургия считалась ремеслом цирюльника, стоящего рангом заметно ниже, нежели врач. Тем не менее это наталкивает на мысль, что в значении слова лекарь уже присутствует семантический сдвиг. Это подтверждают и другие словарные источники. Так в Словаре Академии Российской указано, что лекарь – это ‘врач наружных болезней’ [18]. Таким образом, в иерархической лестнице понятие врач – нейтрально, в то время как значения лексем доктор и лекарь занимают разноуровневые позиции.

Интересно отметить, что с конца XVII – начале XVIII вв. власть старалась административно закрепить функционал указанных лексем. Так императорским указом 1762 года лицам, не имеющим докторского диплома, запрещено было именоваться докторами или медиками, а в 1800 году император Павел запретил лекарям называть себя врачами [15]. В начале XIXв. после государственных номенклатурных изменений были определены следующие учёные степени: доктор медицины и хирургии, медико-хирург, доктор медицины, лекарь. Позже степень

медико-хирурга была упразднена. «Новые «Правила испытания врачей, фармацевтов, ветеринаров, дантистов и повивальных бабок», высочайше утвержденные 18 декабря 1845 г., упорядочили ученые степени и звания врачей. Согласно «Правилам», «Ученые степени и звания... суть троякого рода»: 1) «учено-практические» – лекарь, доктор медицины, доктор медицины и хирургии; 2) «учено-служебные» – уездный врач, член врачебной управы (оператор и акушер), инспектор; 3) «специально-практические» – повивальная бабка, дантист [22].

Семантическая специализация лексемы «врач»
как результат увеличения семантического объема

К XIX веку в ходе эволюции науки дуализм понятия практически исчезает, теперь лечение превалирует над целением, на лексическом уровне выделяется самостоятельная видовая атрибутивная конструкция врач душъ, со значением священник [18]. Это тоже вполне объяснимо с точки зрения этиологии заболеваний, так как развитие врачебной науки идет очень быстро, общество начинает признавать научные методы лечения, постепенно доверяя медицине. С прогрессом в области терминотворчества связаны предпосылки выделения лексемы врач в качестве гиперонима, объединяющего группу терминов – должностных номенов; формируются наименования медицинских специальностей: хирург, дантист и т.д. [18]. Лексема врач связывает их уже не только семантически: хотя в медицинских дипломах по-прежнему присутствуют латинское заимствование доктор и русское слово лекарь, «учено-служебное» понятие врач постепенно закрепляется в должностной иерархии.

Инвективная лексика в смысловой парадигме понятия «врач»

Семантическому расширению понятия способствует и появление метафорических языковых единиц в смысловой парадигме указанного понятия. Лексика, семантика которой не обладала оскорбительным компонентом в её первоначальном значении, стала использоваться для реализации обидного либо ироничного внутреннего содержания.

Инвектива, это прежде всего нарушение конвенциональности, поэтому синтагма её значений дает возможность выявить существенные недостатки представителя профессионального сословия в глазах индивидуума.

Рассуждая о врачебной лексике, Змеев пишет: «С Петра начинается поголовное заимствование или перевод чужих названий. С тех пор русский врачебный язык умер, перестал совершенствоваться. … Да и самый врач стал инородным телом − струпом в жизни народа, без питающих корней в народе. Так что народ с тех пор успел ему дать лишь одно только, но характерное название, - пласта́рь» [7]. Пластарь – ‘лекарь’, от пластать, потрошить, вскрывать, свежевать тушу [5]. Действительно, это первое народное именование врача с негативной окраской, фиксируемое словарями. Мы полагаем, что появлению данной инвективы в определенной мере способствовали настроения в обществе, когда реформы Петра изменили государственный строй России, структурировав аппарат управления, что отразилось и на медицине. «Петр из лекаря сделал чиновника, ища иноземного» [7]. На службе в огромном количестве

находились иностранные врачи, иногда из тех, что по словам Змеева, в Россию за заработком без приглашения «само ехало» [7]. И именно им, имевшим диплом, но порой не владевшим русским языком, дозволялось производить серьезные операции, при которых больные часто погибали, чего при существовавших методах лечения избежать было сложно. Поэтому в глазах народа оперирующий врач – это иноземец, от лечения которого погибают русские люди, пластáрь.

Всплеск новых открытий XIX в. требует новых названий. Согласно давней медицинской традиции, использованию латинизированных имен собственных для наименования новых реалий, в моду входят эпонимы [2]. И та самая ментальная составляющая, когда врач представал в образе исцеляющего божества, издавна почитаемого медицинским сословием, находит противоположное отражение в образованном обществе. Самонадеянного, но слабого специалиста, чье лечение чревато неприятностями для здоровья пациента, часто называют по имени греческого бога Асклепия – Эскулап. Его традиционно именуют на латинский манер, но уже с немалой долей иронии: «Я ускользнул от Эскулапа, худой, обритый — но живой» [20]. И если элита иронизирует, то народ, который по-прежнему отчаянно нуждается в хорошей врачебной помощи, но имеет в лучшем случае помощь фельдшерскую (фельдшер - полевой цирюльник, низшая ступень медицинского образования), использует старое русское слово со значением ‘скотский доктор’ – коновал. Это пренебрежительное название невежественного врача: «Непопулярный эскулап наш намерен сделаться популярным коновалом» [21]. В качестве профессиональной инвективы может использоваться и слово в его деактуализированном, ретроспективном значении. Например, неученого врача, всякого, кто занимается лечением, как бы подчеркивая его низкое социальное положение, именуют лекарем «Его лекаришка испортил» [5]. Следует отметить, что наличие диминутивного суффикса – ишк свидетельствует о пренебрежительности, уничижительности значения языковой единицы.

Профессиональная инвектива не имеет пейоративной семантики, её функция − девалоризация, то есть понижение статуса адресата. Объектом вышеуказанной инвективы являются профессиональные качества субъекта, оказывающего медицинскую помощь, что лишь подтверждает его невысокое положение, несовершенство методов лечения и недостаток образования в глазах общества.

Мы полагаем, что появление инвективной лексики в смысловой парадигме понятия врач было обусловлено объективными причинами состояния здравоохранения государства. В XIX веке в России превалирует сельское население, однако доступная ему медицинская помощь, как было отмечено на Пироговских съездах, совершенно не удовлетворяет своему назначению. Ничтожное количество врачей…сильное развитие фельдшеризма, материальная необеспеченность медицинского персонала, казенный сухой формализм, - отличительные черты … медицины, созданной органами власти [8].

Таким образом, можно предположить, что к концу XIX века врач в глазах общества предстает как человек, занимающий определенную должность, обладающий документом, дающим право лечить людей, одновременно являясь одним из многих «винтиков» государственного аппарата, выполняющим функцию лечения, иногда малоэффективную.

Выводы. В результате проведенного нами лингвокультурного диахронического исследования отмечен постепенный распад нерасчлененности понятия «врач», характерный для семантического синкретизма. К началу XVI века можно достаточно четко выделить лечение и целение как два основные направления дальнейшего развития понятия. При этом целение доминирует над лечением.

В XVII веке отмечено равноправное функционирование ряда исследованных нами лексем, каждая из которых обладает своим собственным значением соответствующим определенному понятию. В это же время меняется и вектор развития понятия, лечение начинает превалировать над целением, что обусловлено развитием науки и укреплением аппарата управления.

С конца XVII – начала XVIII вв. начинается административное закрепление функционала лексических единиц, использовавшихся для обозначения данного понятия. В течение исследуемого периода происходит трансформация, расширение семантического объема понятия, сначала на основе заимствования, метонимической деривации и метонимического словообразования, а позже и в результате метафорических процессов. Хронотоп семантических дериватов в лексикографических источниках свидетельствует о позднем появлении метафорических наименований таких как пластарь, эскулап, коновал, использовавшихся для обозначения данного понятия.

В ходе исследования установлено, что слово лекарь в деактуализированном, ретроспективном значении может использоваться в качестве профессиональной инвективы.

Доказано, что профессиональная инвективная лексика пластарь, эскулап, лекарь, акцентирующая на понижение статуса, позволяет актуализировать недостатки представителя профессионального сословия.

Таким образом, современное понятие врач, пройдя долгий путь семантических трансформаций, окончательно закрепилось в настоящих понятийных (смысловых) границах к концу XIX века.

Литература.

1. Берлева С.Ю., Подшибякина О.В. Нравственность и врач // Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья. - 2016. - № 64. - С. 104-110.

2. Варнавская Е.В. Имена собственные в медицинской терминологии испанского и русского языков//Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. - 2009. - №11. - С. 85-94.

3. Варнавская Е.В., Варнавский В.С. Национально-специфические характеристики терминологической лексики строительного дискурса//Crede experto: транспорт, общество, образование, язык. -2016. -№2. -С. 88-96.

4. Варнавская Е.В., Варнавский В.С. О динамике формирования некоторых понятий строительной терминологии//Crede experto: транспорт, общество, образование, язык. -2016. -№3. - С. 60-71.

5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. [в 4 ч.] / [соч.] В.И. Даля. - Москва: Изд. общ-ва любителей Российской словесности, 1866

6. Зиновьева Е.И. Этнонимы русин, русак и русский в обиходном языке Московской Руси XVI-XVII вв. // Русин. - 2017. - № 1 (47). - С. 92-105. DOI: 10.17223/18572685/47/8

7. Змеев Л. Ф. Чтения по врачебной истории России / Л.Ф. Змеев. - Санкт-Петербург: тип. В. Демакова, 1896.

8. История России в XIX веке. - Санкт-Петербург: А. и И. Гранат. Т. 8. - 1910, 262 с.

9. Кобенко Ю.В. Язык и среда. Опыт систематизации данных междисциплинарных исследований. Томский политехнический университет. Томск, 2017.

10. Кобенко Ю.В. Язык и среда: перспективы средового подхода в лингвистике // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. - 2017. - № 2 (16). - С. 32-44. DOI: 10.23951/2307-6119-2017-2-32-44

11. Кривоносов А.Т. Слово и мысль, Вопросы взаимодействия языка и мышления. Москва; Нью-Йорк: Авторское издание, 2017. — 548 с.

12. Лавлинская Л.И., Черных Е.А., Лавлинская Т.А. Роль истории медицины в воспитании будущего врача // В сборнике: Августовские научные чтения Сборник научных трудов по материалам II и IV Международных научно-практических конференций. - 2017. - С. 37-41.

13. Медведь А.Н. Врачевание в древней и средневековой Руси и его изучение в современной историографии // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. - 2013. - № 10 (111). -С. 167-183.

14. Полетика, Г. А. Словарь на шести языках: российском, греческом, латинском, французском, немецком и англиском: Изданный в пользу учащагося российскаго юношества. - Санктпетербург : При Имп. Акад. наук, 1763. 247с.

15. Прохоров П. Н. Биологические основы медицины / [Соч.] Д-ра мед. П.Н. Прохорова. Вып. 1-3. - Санкт-Петербург: В.И. Базилевский, 1896-1899. – 3 т.; 25.

16. Саурина О.С., Елькова Н.Л., Кравчук Е.В., Покидько О.А. Развитие стоматологии в воронежской области первой половины xx века // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. -2017. -Т. 25. -№ 2. -С. 119-121. DOI: 10.18821/0869-866X-2017-25-2-119-121

17. Саурина О.С., Кравчук Е.В. Развитие высшего стоматологического образования в воронежской области // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. - 2017. -Т. 25. -№ 1. -С. 59-62. DOI: 10.18821/0869-866X-2017-25-1-59-62

18. Словарь Академии Российской. - Санктпетербург : При Имп. Акад. наук, 1789-1794. - 4. Ч. 1. От А до Г. - 1789.

19. Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный Вторым Отделением Императорской академии наук. - Санкт-Петербург: в Тип. Императорской акад. наук, 1847. - Т.1-4. - 1847.

20. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. Академия наук СССР. Институт языкознания. — М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956—1961. — 3232 с.

21. Словарь языка русских произведений Шевченко в 2-х томах / Сост. В.М. Брицын и др. – Киев: Наукова думка,1985.

22. Смирнова Е.М. «Медицинские чины» в российской провинции (XVIII -середина XIX вв.) // Новый исторический вестник. -2011. -№ 28. С. 6-19.

23. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древне-русскаго языка по письменным памятникам: труд И. И. Срезневского. - Санкт-Петербург: издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1890-1906. Т. 1: А - К. – 1893.

24. Старчевский А. Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову Евангелию. — СПб.: Изд-во А.С. Суворина, 1899.

25. Стеблецова А.О. К исследованию национальных деловых коммуникативных культур//Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. −2004. −№ 2. −С. 89-95.

26. Стеблецова А.О. Национальный дискурсивный стиль: англоязычный и русскоязычный деловые дискурсы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. — 2016. ,- Т.15. — №4. — С. 76-86..

27. Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. I: Теория и некоторые частные ее приложения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 816 с. (Opera etymologica. Звук и смысл).

28. Трубачёв О.Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т.1. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – с. 800.

29. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 тт.: Пер. с нем. — 3-е изд. — М.: Азбука-Терра, 1996 — Т. 1. — 576 с.

30. Giles. J. A. A lexicon of the Greek language, for the use of colleges and schools: containing, I. a Greek-English lexicon ... II. An English-Greek lexicon ... To which is prefixed, a concise grammar of the Greek language. By the Rev. J.A. Giles Printed for Longman, Orme, Brown, Green, and Longmans London 1840

Abstract.

A.O. Stebletsova, E.V. Varnavskaya

FROM LECHTZ TO DOCTOR: LINGUISTIC AND HISTORIC EVOLUTION OF DOCTOR-PUBLIC RELATIONSHIP

Voronezh State Medical University

The objective of the paper is reveal and describe the evolution of doctor- public relationship in Russian history of medicine and society. Materials and methods. Lexicographic sources including ethnographic dictionaries and texts containing doctor vocabulary and its derivatives which were analyzed by linguistic techniques supported by description of extralinguistic factors. The authors used a diachronic and environmental approach to indentifying the development of the term doctor at different historic stages. Results. The data of the linguistic and lexicographic analysis demonstrate that the evolution of doctor-public relationship was closely associated with certain historic stages and determined by particular events such as scientific breakthroughs and administrative reforms. The authors have proven that the old Russian word lekar' and a few other words have been used as invective terms. Conclusion. The evolution of the word doctor has always been associated with the development of the society which has consequently led to the semantic and metaphoric transformations of the inner volume of the word.

Key words: doctor, lekar, historic terminology, environmental approach, semantic volume.

References.

1. Berleva S.Yu.1, Podshibyakina O.V. Morality and the doctor // Medical Scientific Bulletin of Central Chernozemye. 2016. № 64. P. 104-110.

2. Varnavskaia E. V. Proper names in medical terminology of Spanish and Russian languages. Nauchniy vestnik VGASU // Scientific Herald of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Voronezh, 2009 no № 11, pp 85 – 94 (in Russian).

3. Varnavskaia E.V, Varnavsky V.S. Specific features and national identities of Russian civil building terminology // «Crede Experto»: transport, society, education, language. -2016. № 2. -P. 88-96. (in Russian).

4. Varnavskaia E.V, Varnavsky V.S. On the dynamics of formation of some concepts of building terminology //«Crede Experto»: transport, society, education, language. 2016. № 3. P. 60-71. (in Russian).

5. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language / Moskva: Izd. obshch-va lyubitelej Rossijskoj slovesnosti, 1866. (in Russian)

6. Zinovieva Elena I. The ethnonyms rusin, rusak and russkiy in the russian vernacular of Muscovite Rus in the 16th-17th centuries // Rusin. 2017. № 1 (47). S. 92-105. DOI: 10.17223/18572685/47/8

7. Zmeev L. F. CHteniya po vrachebnoj istorii Rossii / L.F. Zmeev. - Sankt-Peterburg: tip. V. Demakova, 1896. (in Russian).

8. Istoriya Rossii v XIX veke. - Sankt-Peterburg: A. i I. Granat. T. 8. - 1910, 262 s. (in Russian)

9. Kobenko Yu.V. Yazyk i sreda. Opyt sistematizatsii dannykh mezhdistsiplinarnykh issledovaniy [Language and Environment. Experience in the Systematization of Interdisciplinary Research Data]. Tomsk: TPU Publishers. 214 p.

10. Kobenko Y. V. Language and environment: prospect of environmental approach to language studies // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2017. № 2 (16). C. 32-44. DOI: 10.23951/2307-6119-2017-2-32-44

11. Krivonosov A.T. Slovo i mysl', Voprosy vzaimodejstviya yazyka i myshleniya. Moskva; N'yu-Jork: Avtorskoe izdanie, 2017. — 548 p. (in Russian).

12. Lavlinskaya L.I., CHernyh E.A., Lavlinskaya T.A. Rol' istorii mediciny v vospitanii budushchego vracha // V sbornike: Avgustovskie nauchnye chteniya Sbornik nauchnyh trudov po materialam II i IV Mezhdunarodnyh nauchno-prakticheskih konferencij. 2017. S. 37-41. (in Russian)

13. Medved A. N. Medical Practicing in Ancient and Medieval Russia and its Study in Modern Historiography//Herald of the RSUH. Series: History. Philology. Culturology. Oriental Studies. - 2013. - № 10 (111). - P. 167-183.

14. Poletika, G. A. Slovar' na shesti yazykah: rossijskom, grecheskom, latinskom, francuzskom, nemeckom i angliskom: Izdannyj v pol'zu uchashchagosya rossijskago yunoshestva. - Sanktpeterburg : Pri Imp. Akad. nauk, 1763. 247s. (in Russian).

15. Prohorov P. N. Biologicheskie osnovy mediciny / [Soch.] D-ra med. P.N. Prohorova. Vyp. 1-3. - Sankt-Peterburg: V.I. Bazilevskij, 1896-1899. – V. 3.; 25. (in Russian).

16. Saurina O.S., Elkova N.L., Kravchuk E.V., Pokidko O.A. The development of stomatology in the voronezhskaia oblast in the first half of xx century // Problems of social hygiene, health and history of medicine. - 2017. -T. 25. - № 2. - C. 119-121. DOI: 10.18821/0869-866X-2017-25-2-119-121

17. Saurina O.S., Kravchuk E.V. The development of higher stomatological education in the Voronejskaia oblast // Problems of social hygiene, health and history of medicine. - 2017. -T. 25. № 1. C. 59-62. DOI: 10.18821/0869-866X-2017-25-1-59-62

18. Slovar' Akademii Rossijskoj. - Sanktpeterburg : Pri Imp. Akad. nauk, 1789-1794. - 4. CH. 1. Ot A do G. - 1789. (in Russian).

19. Slovar' cerkovno-slavyanskago i russkago yazyka, sostavlennyj Vtorym Otdeleniem Imperatorskoj akademii nauk. - Sankt-Peterburg: v Tip. Imperatorskoj akad. nauk, 1847. - T.1- 4. - 1847. (in Russian).

20. Slovar' yazyka Pushkina: v 4 t. / Otv. red. akad. AN SSSR V. V. Vinogradov. Akademiya nauk SSSR. Institut yazykoznaniya. — M.: Gos. izd-vo inostrannyh i nacional'nyh slovarej, 1956—1961. — 3232 p. (in Russian).

21. Slovar' yazyka russkih proizvedenij SHevchenko v 2-h tomah / Sost. V.M. Bricyn i dr. – Kiev: Naukova dumka,1985. (in Russian).

22. Smirnova E.M. "Medical ranks" in the Russian province (XVIII-middle of the XIX century.) // New historical bulletin. -2011. -№ 28. -C. 6-19.

23. Sreznevskij, I. I. Materialy dlya slovarya drevne-russkago yazyka po pis'mennym pamyatnikam: trud I. I. Sreznevskogo. - Sankt-Peterburg: izdanie Otd-niya rus. yaz. i slovesnosti Imperatorskoj akad. nauk, 1890-1906. T. 1: A - K. – 1893. (in Russian).

24. Starchevskij A. Slovar' drevnego slavyanskogo yazyka, sostavlennyj po Ostromirovu Evangeliyu. — SPb.: Izd-vo A.S. Suvorina, 1899. (in Russian).

25. Stebletsova A. O. Towards research of national business communicative cultures // Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism. −2004. −№ 2. −C. 89-95.

26. Stebletsova A. O. National discourse style: English and Russian business discourses // Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics. — 2016. ,T.15. — №4. — P. 76-86.

27. Toporov V.N. Studies on etymology and semantics. T. I: Theory and some of its particular applications. M .: Languages of Slavic Culture, 2004. 816 p. (Opera etymologica: Sound and meaning).

28. Trubachev ON Proceedings on etymology. Word. History. Culture. T.1. - Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. - p. 800. (in Russian),

29. Fasmer M. EHtimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 tt.: Per. s nem. — 3-e izd. — M.: Azbuka-Terra, 1996 — T. 1. — 576 s. (in Russian),

30. Giles. J. A. A lexicon of the Greek language, for the use of colleges and schools: containing, I. a Greek-English lexicon ... II. An English-Greek lexicon ... To which is prefixed, a concise grammar of the Greek language. By the Rev. J.A. Giles Printed for Longman, Orme, Brown, Green, and Longmans London 1840

Сведения об авторах: Стеблецова Анна Олеговна – доктор филологических наук, зав. каф. иностранных языков ФГБОУ ВО ВГМУ им. Н. Н. Бурденко Минздрава России; Варнавская Елена Владимировна, кандидат филологических наук, ст. преп. каф. иностранных языков ФГБОУ ВО ВГМУ им. Н. Н. Бурденко.